

— Как же так, почему преградили путь именно старшему брату? Да ещё и тогда, когда он не в духе?

Четверо братьев, набравшись храбрости, подошли поздороваться.

— Старший брат, возвращаешься во флигель? — напряженно спросил второй.

Третий, отличавшийся простоватостью, поспешил добавить:

— Точно! Ты, небось, отвёл пятую сестрицу домой отдыхать?

Как только эти слова сорвались с его губ, смех мгновенно стих. На третьего уставился холодный, пронизывающий взгляд, словно из ледяной бездны. От страха у того подкосились ноги, он едва не рухнул на колени, но второй вовремя подхватил его под локоть.

Затем старший брат окинул ледяным взором остальных. От этого взгляда у всех по спине пробежал холодок, и они, покорные, как школьники, опустили головы.

Цзян Цинъянь, которого Шэнь Ланьшу держал на руках, наблюдал за этой сценой и задумчиво спросил:

— Шэнь Ланьшу, а кто из них второй и четвёртый?

Второй и четвёртый ещё не успели понять, почему их выделили, как на них обрушилось незримое давление. Оба проклинали свою судьбу, но делать было нечего — пришлось выйти вперед и выдавить из себя жалкую улыбку:

— Пятый зять, я...

— Если не умеешь говорить, никто не примет тебя за немого! — отрезал холодный голос.

Второй поднял голову и встретился с двумя тёмными, как провалы, глазами, которые в упор смотрели на него. Он едва не задохнулся от ужаса, совершенно не понимая, в чём провинился перед старшим братом.

Их страх перед старшим имел под собой веские причины. Хотя сейчас тот был поглощён лишь делами, в боевых навыках и талантах ему не было равных во всей семье. В юности дед отправил его в армию, и с его способностями он мог бы попасть в спецназ. Однако он, не поставив никого в известность, уволился со службы, чем привёл деда в такую ярость, что тот гнался за ним с тростью через несколько кварталов. А что касается младших братьев — исключая близнецов, заставших времена, когда старший уже ушёл со службы, — кто из них не хлебнул горя под его началом? Поэтому все братья в клане Шэнь побаивались своего старшего.

— Я вам не пятый зять, — произнёс Цзян Цинъянь.

Он удивился тому, как сильно эти четверо боятся Шэнь Ланьшу, но не придавал этому значения. С усмешкой глядя на них, он добавил:

— Моя помолвка с мисс Шэнь аннулирована, но контракт всё ещё в силе.

Братья озадаченно переглянулись. В их семье была лишь одна девушка — Цзянмянь. Если помолвка аннулирована, как она может оставаться в силе? Не успели они задать вопрос, как над их головами грянул гром:

— Потому что мне нравятся мужчины! Не ожидал, что у дедушки Шэня такие колоритные внуки, мне нужно хорошенько...

Чья-то рука внезапно закрыла Цзян Цинъяню рот. Мгновение спустя мимо них пронёсся порыв ветра. Братья долго стояли в оцепенении, прежде чем прийти в себя. Шестой неуверенно произнёс:

— Что он имел в виду?

Второй сжал губы и утёр холодный пот со лба. Третий всё ещё тупо хлопал глазами, а четвёртый, потирая серьгу, подаренную невестой, пробормотал отрешённым тоном:

— Он имел в виду, что помолвка между кланами Шэнь и Цзян остаётся в силе, но кандидатура изменилась: теперь вместо Цзянмянь это будет кто-то из нас шестерых.

Последовал вздох облегчения, сменившийся долгой тишиной. Шестой выругался, внезапно перемахнул через перила и скрылся в ночи, сбежав из родового поместья. Третий, хоть и был простоват, всегда следовал за четвёртым, поэтому, увидев, как тот бросился наутёк, не раздумывая, побежал следом. Второй, чья жена и двое сыновей были в поместье, остолбенел. Он пытался убедить себя, что уже женат и эта участь его не постигнет, но... а вдруг?

Вернувшись в комнату, он посмотрел на своё красивое лицо в зеркале и на зрелую притягательность, свойственную женатым мужчинам. А что, если Цзян Цинъянь как раз предпочитает женатых? Иначе почему в коридоре он выделил именно его? От этой мысли он потерял покой. Разбудил жену, схватил детей, упаковал вещи и сбежал.

Цзян Цинъянь, которого прижали к кровати, даже не подозревал, что одной фразой распугал всех братьев. В этот момент он столкнулся с бушующей ревностью Шэнь Ланьшу:

— Колоритные? Хочешь выбрать кого-то из моих двоюродных братьев?

В маленьком пространстве под пологом кровати Шэнь Ланьшу удерживал руки Цзян Цинъяня, нависая над ним всем своим крупным телом. Свет не горел, в комнате царил полумрак, и можно было лишь угадать очертания друг друга. Однако их грудные клетки, плотно прижатые друг к другу, позволяли чувствовать сердцебиение, по которому можно было судить о настроении партнёра.

В отличие от спокойного пульса Цзян Цинъяня, сердце Шэнь Ланьшу было словно утлая лодка в море уксуса, которую захлёстывали волны ревности. Цзян Цинъянь невольно приподнял бровь, дёрнул скованными руками, но, не сумев освободиться, многозначительно ответил:

— А разве ты не внук дедушки Шэня?

— Значит, ты намерен выбрать кого-то из нас пятерых? — раздался голос свысока, в котором невозможно было уловить эмоции.

Цзян Цинъяня это позабавило. На аукционе этот ленивец был довольно проворен, когда закреплял за собой титул жениха, заявляя права, но в то же время не проронил ни слова возражения. Такое очевидное отношение — ленивец этого не осознавал, зато ревновал на пустом месте. Это вызвало у него лёгкое раздражение, и приятное настроение от подшучивания над братьями улетучилось. Он помрачнел и уже хотел велеть ему убираться, как вдруг тот, вопреки ожиданиям, не разозлился, а усмехнулся. Опасная близость, окутанная лёгким ароматом парфюма, заставила его замереть.

— Ещё никто не осмеливался уйти безнаказанным, воспользовавшись мной. Раз ты украл мой первый поцелуй в машине днём, значит, ты теперь мой...

Последние слова утонули в поцелуе. Мягкое прикосновение мгновенно смягчило сердце Шэнь Ланьшу. У него осталась лишь одна мысль: к чёрту всю эту романтическую сентиментальность, если не взяться за дело всерьёз, этот мальчишка совсем от рук отобьётся!

Ощущая яростные покусывания на губах, Цзян Цинъянь не мог не признать: вот она, истинная натура этого ленивца! Раньше он играл в скромность, заставляя его сомневаться, того ли человека он встретил. Впрочем... первый поцелуй? Когда это он успел такое сделать?

Цзян Цинъянь нахмурился, пытаясь вспомнить. После аукциона многие подходили к нему с бокалами, чтобы поздравить и заодно разузнать об отношениях с Шэнь Ланьшу. Там собралась элита, и он, желая расширить круг знакомств, не отказывал. Шэнь Ланьшу выпил за него немало, но он не знал меры этого тела и незаметно перебрал. А что было потом?

Смутно припоминалось, как кто-то ворчал у него над ухом: не видел я таких честных дураков, они специально тебя спаивали, а ты не только не понял, так ещё и с радостью пил, и отказываться не хотел. Золотая жила рядом, а ты к другим бегаешь? Хотел бы чего — сказал бы мне, разве я бы не помог?

Его разозлило, что его называли дураком, и, устав от бесконечного нытья, он отвесил пощёчину. А дальше?

Цзян Цинъянь погрузился в воспоминания, но резкая боль в губах прервала ход его мыслей. Придя в себя, он ощутил ужасающую технику поцелуя партнёра и попытался слегка сопротивляться. Не сумев вырваться, он перехватил инициативу, языком раздвинул стиснутые губы, умело захватывая пространство, игнорируя то, как внезапно напряглось тело Шэнь

Ланьшу.

За пологом кровати виднелись резные деревянные рамы окон и узоры теней от деревьев. Снаружи слышались поспешные шаги, которые остановились у дверей спальни родителей Шэнь. Раздался тройной стук, и вскоре дверь скрипнула. Отец Шэнь, накинув куртку и поправив очки, спросил, в чём дело.

— Молодые господа внезапно уехали. Даже второй господин, неясно по какой причине, забрал супругу и детей. Плач детей разбудил старого господина, он в ярости.

Старик мог видеть внуков лишь раз в неделю. Хотя внуков было много, в преклонном возрасте он ценил семейное тепло. А тут все сбежали, даже не попрощавшись — как тут не выйти из себя?

Отец Шэнь поспешил вернуться, чтобы переодеться, вкратце объяснил ситуацию жене и вышел за порог. Проходя мимо комнаты сына, он заметил, что внутри царит полная темнота, и нахмурился: так поздно, а их всё ещё нет?

Шэнь Цзянмянь, услышав шум, открыла дверь:

— Папа, ты куда?

Отец Шэнь не ответил, а спросил:

— Где твой брат?

Неужели тоже сбежал? Шэнь Цзянмянь кивнула в сторону комнаты:

— Внутри. Видела, как он сердито занёс... и вернулся, сейчас, должно быть, спит.

— Так рано?

Отец Шэнь, озабоченный делами, не заметил странной паузы. Он лишь заглянул в окно — внутри было темно, ничего не разглядеть. Он позвал:

— Ланьшу, вставай и пойдём со мной в главный дом, дед в ярости, а здоровье у него слабое, нельзя волноваться.

Слова долетели до ушей двух людей, которые в комнате были заняты совсем другим. Рука Цзян Цинъяня, скользящая по пояснице Шэнь Ланьшу, замерла. Губы Шэнь Ланьшу оторвались от его губ, дыхание было сбивчивым. Спустя мгновение он прошептал ему на ухо, стиснув зубы:

— Жди меня!

— Пфф! — Цзян Цинъянь не сдержал смеха. Отец Шэнь выбрал самое подходящее время, чтобы прервать Шэнь Ланьшу.

— Ты ещё смеёшься! — Шэнь Ланьшу, собираясь уходить, напоследок укусил его: — Я ещё не спросил, откуда у тебя такие навыки? С этим Цзи практиковался?

Он помнил, что в досье они были лишь друзьями. Возможно, между ними и были юношеские чувства, но они не перешли черту — именно поэтому он хотел действовать постепенно, чтобы вытеснить Цзи из сердца Цинъяня.

Отец Шэнь снова поторопил его. Шэнь Ланьшу с неохотой поцеловал его ещё раз, спрыгнул с кровати, не заботясь о своём виде, и распахнул дверь.

— Ты почему так поздно... — Отец Шэнь, ожидавший снаружи, замолчал, увидев сына в таком растрёпанном виде. Его острый взгляд скользнул по лицу сына, задержавшись на распухших от поцелуев губах, а затем опустился ниже. Всё стало ясно. — Приведи себя в порядок.

Сказав это, он вернулся в комнату. Когда он вышел снова, то, не говоря ни слова, жестом велел сыну следовать за ним. Когда они отошли подальше от восточного флигеля и вокруг никого не было, он украдкой вложил что-то в руку Шэнь Ланьшу.

Тот опешил, разжал ладонь и при свете фонаря увидел коробочку презервативов. Он невольно взглянул на отца, который ускорил шаг, беззвучно усмехнулся и небрежно сунул подарок в карман брюк.

Цзян Цинъянь ждал его возвращения, но Шэнь Ланьшу пропадал всю ночь, и он, не дождавшись, уснул. На следующее утро Шэнь Ланьшу не было. Он выбрал из шкафа его одежду, умылся, и как раз когда вышел, увидел Шэнь Ланьшу, который входил, выглядя смертельно усталым.

— Ты что, всю ночь не спал? — удивился Цзян Цинъянь.

— Ловил этих сорванцов. Во время ужина близнецы наговорили тебе дерзостей, чем разозлили деда, а остальные четверо... — он поднял глаза на ничего не подозревающего Цзян Цинъяня и с досадой добавил: — Сбежали от страха перед тобой. Дед не знал причин и решил, что они имеют что-то против тебя.

Цзян Цинъянь округлил глаза:

— Сбежали?

Этого он не ожидал. Он просто почувствовал враждебность кузенов из-за инцидента с близнецами и решил нанести упреждающий удар, чтобы не позволить им досаждать себе. Кто же знал, что они окажутся такими наивными и сбегут, даже не проверив ничего!

— У деда такой характер... — Шэнь Ланьшу покачал головой, подошёл, подтолкнул его к чайному столику и заварил чай. — Твои слова в любом другом месте сочли бы за бред, но здесь... После смерти твоего деда я не успел даже войти в больницу, как дед велел мне ехать в Пекин за Цзянмянь. Тогда я не знал его планов, а когда привёз её, понял, что он хотел обручить её с тобой.

Дед был типичным представителем старой закалки, считавшим, что браки должны заключаться по воле старших. Хорошо, что он не сказал об этом Цзян Цинъяню напрямую. Впрочем, нельзя отрицать, что в сюжете эта помолвка была выгодна Цзян Цинъяню.

Цзян Цинъянь отпил чаю и спросил:

— Их поймали?

— Сейчас все стоят на коленях в семейном храме. Выйдут, когда дед остынет, — равнодушно ответил Шэнь Ланьшу. Конечно, не обошлось и без его участия. Во-первых, они помешали его планам, а во-вторых, вспоминая вчерашнюю встречу в коридоре, он догадался, кого именно они тогда блокировали.

— Кстати, — Шэнь Ланьшу достал из кармана карту и положил её перед ним. — Дед лишил их карманных денег на год. Это твои деньги. Впредь, помимо твоей доли, каждый месяц на эту карту будут поступать суммы остальных, в качестве извинения за неуважение к тебе.

— Карманные деньги?

— Пятьсот тысяч в месяц на человека.

У деда было три сына. Второй и третий после женитьбы отделились — это была традиция, когда всё имущество переходило к старшему сыну и внуку. Однако дед не был жестоким и велел старшему создать семейный фонд, чтобы остальные дети и внуки получали ежемесячное пособие. Шэнь Ланьшу объяснил всё кратко и добавил:

— Все они служат в армии, а по правилам военным запрещено заниматься бизнесом. Так что дед перекрыл им кислород, это почти половина их жизни.

Семья Шэнь тесно связана с военными кругами. Помимо старшего, жёны второго и третьего были из таких же семей. Так что эти деньги, по сути, выплачивал Шэнь Ланьшу, держа семьи своих дядей. Ему было всё равно — он тратил больше на покупку бриллиантов, чем составляли эти выплаты. Но раз уж они, живя на его деньги, посмели обидеть его человека, он не мог открыто наказывать кузенов, но заставить их помучиться — вполне.

Цзян Цинъянь посмотрел на карту, вспомнив красный конверт от матери Шэнь. В этот момент Шэнь Ланьшу отставил чашку и встал:

— Посиди здесь, я приму душ, а позже пойдём завтракать в передний зал.

Цзян Цинъянь, чья рука лежала на подлокотнике кресла, замер и посмотрел на него. Тот не спал всю ночь, выглядел уставшим, под глазами залегли тени. Наказание братьев было лишь предлогом, но то, что Шэнь Ланьшу так с ними обошёлся — это было только ради него.

Он решил, что момент настал, и поманил его пальцем. Шэнь Ланьшу, не понимая зачем, подошёл и наклонился. Его красивое лицо оказалось совсем близко. Цзян Цинъянь обхватил его лицо ладонями и, к удивлению Шэнь Ланьшу, прильнул к его приоткрытым губам.

Сюрприз был настолько неожиданным, что мозг Шэнь Ланьшу на мгновение отключился. Цзян Цинъянь легонько похлопал его по щеке:

— Это тебе награда. Иди мойся, а то от усталости появятся морщины, станешь некрасивым — и я тебя брошу, мой парень.

Какие ещё морщины? Ему всего тридцать, он ещё молод!

— Что? — он внезапно положил руки на плечи Цзян Цинъяня.

Его лицо, обычно спокойное и сдержанное, выражало редкое волнение, куда более сильное, чем вчерашняя страсть. Это было искреннее чувство, проникающее в самую душу Цзян Цинъяня.

— Как ты меня назвала? — его голос слегка дрожал.

Ощущая его внезапный восторг, Цзян Цинъянь, который за две жизни так и не узнал, что такое любовь, на мгновение растерялся. Но быстро взял себя в руки, глядя в его ожидающие глаза:

— Мой парень. Должна напомнить: после кризиса среднего возраста у тебя от одежды сильно пахнет табаком. Ты уверен, что не хочешь сначала принять душ?

Его целью в этом мире был Ланьшу. Он не был против близости с ним, и, вероятно, это и было то, что называют любовью. Если не знать, что это такое — не беда, впереди целая жизнь. И в этой жизни не будет следующей — если не привязать этого ленивого дракона любовью, как заставить его добровольно предать свой божественный род?

Шэнь Ланьшу, получив подтверждение, был переполнен радостью от внезапно обрётённого статуса. Он выборочно слышал то, что хотел:

— Парень?

— Угу, парень, — Цзян Цинъянь приподнял бровь, подтверждая свои слова.

— Раз так, то я внесу поправку... — он сжал губы и костлявыми пальцами разгладил нахмуренные брови Цзян Цинъяня, слегка кашлянул: — Цинъянь, я не старый. Мне тридцать по лунному календарю, а на самом деле двадцать девять. У нас обоих возраст на двойку.

Цзян Цинъяню было всё равно на разницу в возрасте. К тому же, Шэнь Ланьшу, будучи военным, был весь твёрдый, как камень. Особенно грудные мышцы — он вчера убедился, ощущения были что надо. Подумав об этом, он с усмешкой сказал:

— В следующем году тебе стукнет тридцать, и тогда тебе придётся подождать семь лет, чтобы нам обоим было по тридцать с лишним.

— ...Хорошо, — Шэнь Ланьшу наклонился и поцеловал его в лоб. — Я немного старше, но у старых мужчин есть свои преимущества. Например, я более зрелый, умею уступать и у меня больше денег.

Он старался говорить серьёзно, сдерживая волнение.

<http://bllate.org/book/19897/1958733>